

Илья Утехин

Stephen Lovell. Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970. New York: Oxford University Press, 2015. 272 pp. ISBN 978-0-1987-2526-8.

Илья Утехин – профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Гагаринская ул., 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. utekhin@yandex.ru.

Мне уже доводилось писать об одной из более ранних книг профессора Королевского колледжа Лондона Стивена Ловелла, посвященной дачам как феномену русской культуры (Утехин 2004). В работе о дачах ярко проявился характерный для этого автора взгляд историка, позволяющий проследить некоторое явление на протяжении нескольких веков на фоне общей панорамы общественных изменений и основанный на обширном корпусе материалов, в том числе архивных. Про русские дачи к тому моменту в монографическом формате не существовало ни одной работы. Про историю советского радио на сегодняшний день написано немало, начиная еще с советского времени, и Ловелл ссылается на эти публикации. Но существующие работы сфокусированы либо на развитии технологических аспектов радиовещания, либо на институциональной истории радио в СССР с особым вниманием к вопросам цензуры (такова известная книга Татьяны Горяевой (2000, 2007)), тогда как содержание вещания не подвергалось столь же подробному анализу, не говоря уже о проблематике восприятия вещания слушателями. Ловелл делает попытку сопряжения этих различных аспектов истории советского радио и, более того, – погружает проблематику советского радио в контекст истории средств информации и коммуникации (истории медий). Это сразу предполагает иной уровень концептуализации и проблематизации материала по сравнению с тем, если бы советское радио рассматривалось лишь в рамках советской политической, социальной и технологической истории. Впрочем, история советского радио как технологии управления массами оказывается интересна еще и потому, что она неожиданно много рассказывает о советском обществе и советской культуре.

Необходимость выстроить разнообразные материалы как некую связную историю неизбежно сталкивает с тем обстоятельством, что даже из одних и тех же документов и фактов можно составить несколько разных историй. Какие это истории, и о чем рассказывает Ловелл? Несомненно, сильным местом этой работы оказывается стремление перебросить мостик между чертами большого нарратива и подробностями – подробностями как институциональной истории, в частности, базирующимися на архивных разысканиях автора, так и касающимися содержания вещания.

Один из макронарративов, представленных в книге, – это путь от экспериментирования и воплощения технологической утопии, как она виделась в 1920-е годы, к вездесущей «тарелке» радиоточки – оракулу власти, в устах которого возможны были только слова, тщательно выверенные цензурой и не допускавшие

какой-либо импровизации, лишь послесталинское время открывает определенный доступ спонтанности. Вот эта диалектика срежиссированности и прописанности заранее, и документальной природы репортажа, и спонтанности высказывания оказывается здесь в центре внимания автора. Рассматривая радио как инструмент индоктринации и политического контроля слушательских масс, Ловелл в то же время отмечает, что идеологическому сообщению нужно было придать медийную форму, и тут отправитель оказывается вынужден прибегнуть к помощи творческих работников – писателей, музыкантов, актеров, что способствовало некоторой неопределенности результата, особенно в связи с тем, что радио в сущности было инновационным средством коммуникации, и новые технические возможности способствовали возникновению новых форм, для которых не существовало готовых шаблонов (с. 3).

Другая отчетливо выстраивающаяся линия повествования касается эволюции советского радио как медиума во взаимосвязи открывавшихся технических возможностей и их социального контекста. В конце 1920-х годов в СССР принято стратегическое решение о создании сети проводного радио, что было альтернативой другому возможному подходу – массовому выпуску эфирных приемников. При этом вопрос о модели вещания был решен как прямая противоположность американской модели, где есть множество частных вещателей и реклама, поступления от которой оплачивают вещание и создание контента. С середины 1940-х благодаря усовершенствованию магнитофона оказываются возможными передачи в записи с монтажом, что способствует разворачиванию жанрового многообразия вещания. Одновременно налаживается массовый выпуск радиоприемников, в том числе с коротковолновым диапазоном. И когда на смену сталинской радиоточке в домах советских людей приходят эфирные приемники, становится невозможно отследить, что именно слушают граждане. Так что с одной стороны радио как медиум – важнейший фактор в создании единого культурного пространства и советского общества, а с другой – инструмент «разгерметизации», потенциально дающий доступ к альтернативной информации.

В первой главе рассматривается генеалогия советского радиовещания, начиная с особенностей развития телеграфа и радиотелеграфа в дореволюционной России. Глава содержит сведения об управлении вещанием и о том, как на радио складывалась цензура. Наряду с предварительной цензурой Главлита, введенной с 1928 года, на максимальную предсказуемость результата работало и ограничение жанров передач. Так, с 1937 года перестали практиковаться «радиопереклички» – характерный для первой пятилетки наиболее спонтанный жанр передачи, когда представители разных предприятий или районов, хозяйственные и партийные руководители – проверенные и надежные кадры – получали по очереди микрофон и отвечали на вопросы о своей работе. При этом контроль местного компонента вещания, добавлявшегося к передачам из Москвы, оказывался непростой административной проблемой, особенно учитывая 50 языков вещания на национальных окраинах.

Вторая глава книги – «Радио и становление советского общества» – начинается с рассуждений о радио как средстве культурного объединения страны. Когда

программа могла включать трансляции опер из Ленинграда и Москвы, трансляции с мест актуальных событий (первая такая трансляция – включение с Красной площади во время похорон Наркома по военным делам Михаила Фрунзе в 1925 году), подобное сочетание создавало представление о радио как об объединяющем центре большой страны. В 1920-е годы были еще актуальны и интернационализм, и связь с другими странами: тогда по радио передавали уроки эсперанто, а периодические издания для радиолюбителей пропагандировали зарубежные достижения. В следующем десятилетии по радио учат морзянке, а радиолюбительство закрепляется как часть системы военной подготовки: традиционно радиоспорт и радиоклубы принадлежат ДОСААФ. Замечательна иллюстрация понимания радио как способа донести всему миру вести из СССР: на с. 44 представлена обложка журнала «Радиолюбитель» за сентябрь 1928 года, где Шуховская телебашня изображена поверх кремлевской, как ее расширение и продолжение; у подножия происходит некое массовое действо, собственно, жизнь Страны Советов. Башня передает прямо из часов кремлевской башни на весь мир ноты и строчки Интернационала.

Третья глава («Как Россия училась вещанию») обозревает жанры раннего вещания, в том числе в сопоставлении с печатными СМИ, и этот обзор встраивается в частности в историю контроля и спонтанности: советский человек зрелого социализма научился говорить правильные вещи в нужных ситуациях. И советские герои, и просто партийные функционеры умели говорить как "по бумажке", но раннесоветский рабкор или «простой крестьянин» у микрофона заставляет редактора нервничать. Некоторые советские жанры образуют радиопередачу будучи просто озвучены в эфире – «радиостенгазеты» на предприятиях, радиомитинги, но вот уже репортажи о спортивных событиях на стадионе требуют изобретения формы, ведь способность радио погружать слушателя в действие, разворачивающееся в реальном времени, требовала режиссуры события (с. 98).

Тому, является ли радио своеобразным искусством и каким это «радиоискусство» должно быть, в 1930-х годах были посвящены дискуссии о выразительных средствах радио, в том числе радиотеатре как своеобразном синтезе театра, литературы и музыки, со звуковыми эффектами и использованием звукозаписи. При этом если до революции роль носителя речевого стандарта играл театр, то в СССР именно радио доносит до масс речевые нормы, распространяя правила культуры речи (с. 93). Но еще более интересно в культурологической перспективе то, что радио учило еще и правильности содержания публичных высказываний, воспитывало публичную сторону советского человека. Смонтированный из советских киножурналов послесталинского времени «Наш край» документальный фильм Сергея Лозницы «Представление» (2008), возможно, является лучшим художественным исследованием этого воспитания и его плодов.

Четвертая глава рассматривает радио военного времени как инструмент консолидации общества вокруг вождя и мобилизации населения. В военное время монолитный канон вещания конца 1930-х преобразился: в какой-то мере война возвратила в эфир голос простого человека и более живые жанры наподобие радиопереклички. Писатели и поэты встали к микрофону. Особенно изменилось вещание в экстремальных обстоятельствах блокады Ленинграда: радио не могло в

таких условиях продолжать делать вид, что ничего особенного не происходит, и даже спонтанное высказывание неподготовленного человека, эмоции и слезы оказались возможны в эфире. Радио самим фактом продолжения передачи обозначало, что жизнь не останавливается.

Удачным и востребованным форматом на радио эпохи войны оказалось зачитывание в эфир посланных на адрес Радиокomiteта писем на фронт и с фронта. Ссылаясь на отчеты и обсуждения, представленные в архивных материалах (с. 124), Ловелл обращает внимание на то, как и почему присланные на радио тексты подвергались редактированию. Многие письма уже были написаны столь кондовым языком штампов, что редакторам приходилось убирать лозунги, чтобы придать письму вид более человеческого документа. Другие тексты дополнялись подробностями и обрабатывались в литературном отношении (за что авторы писем благодарили в последующих письмах на радио), и такое редактирование становилось предметом критики руководства. Тексты, на которые ссылается Ловелл, действительно показательны, и их количество – сотни тысяч в год – наглядно свидетельствует о массовости этого явления. Но стоит держать в голове, что ставить знак равенства между риторикой документов (в том числе писем от «простых» людей) и убеждениями их авторов можно только в том случае, если мы игнорируем прагматику этих писем. В личном письме не для зачитывания по радио не оказалось бы скорее всего ни одного из тех лозунгов и штампов, которые присутствуют в этих публичных письмах. Публичное и частное нередко смешивались, но все-таки за этими сферами были закреплены разные языки. Как однажды остроумно заметила Шейла Фицпатрик, писание писем в газету в каком-то отношении подобно народному самодеятельному творчеству вроде игры на балалайке, только в области наивной литературы (Fitzpatrick 1996:93).

Пятая глава посвящена послевоенному времени, когда доминирующей моделью потребления радио стало прослушивание передач по эфирному радиоприемнику. Соответственно, это время – начало эпохи конкуренции советского вещания с радиоголосами из-за железного занавеса (и их глушения). Техническая грамотность части советского населения и популярность радиолюбительства усугубляют проблему, масштаб которой, впрочем, во все времена безусловно преувеличивался органами безопасности. Заметим, что у тех, кто составлял отчеты по оценке аудитории западных радиостанций, был стимул для того, чтобы преувеличить число слушателей «вражеских голосов», ведь тогда оправдывались бы мероприятия по борьбе с ними.

В этой же главе автор останавливается и на организации иновещания в СССР (с. 152 и далее). В целом во всей книге прослеживается попытка увидеть разные периоды советской цивилизации через призму радио. Отталкиваясь от разнообразных материалов, Ловелл пишет про ужесточение дисциплины на радио в позднесталинский период (с. 141–142), а также про антисемитские чистки. Заметим, что архивные документы, по-видимому, рисуют картину, которая аналогична той, что имела место в разных сферах и отраслях, и в этом отношении она не специфична именно для радио. Во всяком случае, обилие или, наоборот, малое число бумаг дисциплинарного характера применительно к той или иной организации

или сфере жизни характеризует не столько эту организацию или сферу, сколько государственную политику с ее периодическими кампаниями, а также менявшиеся со временем принципы архивирования.

Любопытно, что в этой главе автор книги среди прочего ссылается на знаменитую этнографическую работу о советском селе «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (Кушнер 1958), отмечая, что, по данным советских этнографов, радио в 1950-х годах было важным элементом досуга, причем популярностью пользовались народные песни, а также передачи сельскохозяйственной тематики и детские программы (с. 143). Однако стоит помнить, что тексты советских этнографов при публикации подвергались подгонке под задачу публикации, а может быть, и исходные данные собиралась в поле с готовой интерпретационной схемой в голове собирателя. К реальности села Вирятина, увиденной этнографами, эти результаты имели опосредованное отношение, ведь образцовая советская этнография образцового советского села была призвана продемонстрировать победу социалистического настоящего над отсталым прошлым. В книге, помнится, была даже фотография пастуха, который выступает перед односельчанами, из радиорубки по внутреннему колхозному радио, а среди отдельных недостатков отмечалось, что у колхозников порой вырвется нецензурное ругательство. Этот лубок не мог, конечно, обойтись без радио.

Сюжеты, обсуждаемые в шестой главе («Магнитофон и искусство вещания»), касаются того же периода, «золотого века радио», верхняя граница которого более или менее искусственно ограничена 1970 годом, когда, по мнению автора, телевидение замещает радио в роли основного носителя советской популярной культуры. Связаны эти сюжеты с теми новыми возможностями, которые открывает технологическое новшество: звукозапись при помощи магнитофона. В отношении содержания вещания не информирование о новостях, а просвещение и воспитание слушателя были поставлены во главу угла, при этом начиная с оттепельного времени это содержание приобретает «человеческое лицо», что отражается и в новых жанрах, и в стилистике. Впрочем, это не означает ослабление контроля. Так, автор ссылается на правила 1965 года, согласно которым микрофонная папка для каждой передачи, подаваемая за три дня до эфира, должна была содержать три подписи, причем выпускающий редактор должен был расписаться на каждой странице, и все это необходимо было заверить печатью Главлита (или подписью зав. отделом Главлита, удостоверяющей, что печать не требуется) (с. 178).

Более подробно жанровые и стилистические особенности, а также отклик аудитории обсуждаются в последней, седьмой главе, содержащей обширный материал для размышления. Здесь упоминаются и юмор, и музыкальное вещание, и молодежь как адресат, и создание молодежного вещания. Вообще по разным главам в книге разбросаны детали, касающиеся разных жанров вещания, в том числе литературных передач и радиотеатра. Относительно свободной площадкой для эксперимента было десткое вещание (с. 183). В области новостей и репортажа новую, разговорную стилистику знаменовала собой радиостанция «Маяк», запущенная в 1964 году. Однако разговорный стиль и импровизация не могли не вступить в противоречие с требованиями цензуры и консервативным характером соб-

ственно новостного контента. Фактически для настоящего разговорного радио «с человеческим лицом» требовалось бы создавать какие-то другие новости – не те, которые рассылает ТАСС, – что отчасти решалось при помощи сети собственных корреспондентов в стране и мире.

Одним из немногих жанров, извлеченных от предварительной цензуры, были репортажи о спортивных событиях – наряду с трансляциями из театров и концертных залов, а также прямыми включениями об официальных мероприятиях (с. 194): в спортивном репортаже ключевым оказывается момент случайности, непредсказуемости исхода.

В эпилоге автор кратко останавливается на радио периода застоя и перестройки. По необходимости курсивное изложение здесь рисует более плоскую картину, чем она оказалась бы при более нюансированном взгляде. Так, в целом справедливо объявляя 1970 год концом того минимального пространства творческой свободы периода оттепели, Ловелл упускает из виду качественное многообразие советской культуры, которое в 1970-е годы проявлялось в «нишевом» характере пространств свободы: например, подобно тому, как детская литература и вещание были прибежищем (нишей) для многих талантливых людей, легальным пространством для эксперимента в музыке была киномузыка.

На с. 204 помещено фото деревенской бабушки с транзисторным приемником: в 1960-е появление таких приемников на батарейках изменило характер слушания. Если раньше слушатель был привязан к стационарному устройству, то теперь радиоприемник всегда был с ним. Человек с приемником у уха – памятная примета времени перестройки, когда вещание происходило уже в реальном времени и люди стали ждать оперативной передачи новостей. Но портативный приемник с собой (в том числе на даче и в сельской местности, на рыбалке) – безусловно важная часть еще и советской культуры медийного потребления.

Заметим на полях, что связь технологии, форм потребления медийного контента и вещания имела и еще некоторые важные аспекты, не затронутые в анализе Ловелла. В 1960-е годы у эфирных радиоприемников появились не только выходы на наушники, но и линейные, что означало, что в распоряжении слушателя оказывалась не одна коробочка, которая являет собой терминал той или иной (если был выбор) сети вещания, а приемник, к которому можно что-то подсоединить – например, усилитель и колонки (в семидесятые) или тот же магнитофон. То есть пользователь теоретически мог по своему разумению оборудовать свой дом; это становится понятнее, если иметь в виду техническую продвинутость значительной части слушателей и массовые тиражи журнала «Радио».

Собственно, и вещание тоже ориентировалось на интересы слушателя, вооруженного средствами звукозаписи: например, по проводному радио в Ленинграде в конце 1970-х – начале 1980-х годов была программа «Ваш магнитофон», где транслировалась западная эстрада, причем не отдельными песнями, а целыми альбомами. Это свидетельствует о том, что магнитофон трансформировал не только вещание, но и потребление радиоконтента – не говоря уже о том, что он способствовал созданию целой культуры обмена музыкальными записями – в частности, неподцензурными.

Одним из важных аспектов технологического развития радио было появление диапазона УКВ с частотной модуляцией, где сигнал передавался в техническом отношении подобно звуковому сопровождению телевидения. Этот диапазон открыл возможность качественного музыкального вещания, в том числе стереофонического (с 1963 года). Соответственно, слушатели ориентировались на новое качество звучания, которое предоставляли новые приемники. В 1966 году УКВ-вещание охватывало территории, где проживало 40% населения СССР (Миркин 2013:203).

Можно было бы упомянуть еще несколько сюжетов из истории советского вещания, не вошедших в не очень значительную по объему, но богатую идеями работу Ловелла. Факты и их трактовки заставляют думать и рассуждать; и у каждого, кто занимается историей советского общества, эта книга должна стоять на полке. При этом ясный и увлекательный стиль изложения делает книгу доступной и для широкой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горяева, Татьяна. 2000. *Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история*. М.: РОССПЭН.
- Горяева, Татьяна, ред. 2007. *«Великая книга дня...»: радио в СССР. Документы и материалы*. М.: РОССПЭН.
- Кушнер Павел, ред. 1958. *Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни*. М.: Издательство Академии Наук СССР.
- Миркин, Владимир. 2013. «К истории советской радиосвязи и радиовещания в 1945–1965 гг.». *Вестник Томского государственного университета. История* 1(21):200–207.
- Утехин, Илья. 2004. Рецензия на *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*, by Stephen Lovell. *Антропологический форум* 1:342–346.
- Fitzpatrick, Sheila. 1996. "Suplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s." *Slavic Review* 55(1):78–105.